

Гуань И смотрел на мясо в миске, не переставая орудовать палочками.

Это был его первый нормальный приём пищи после перемещения в эпоху Троецарствия.

Созванные системой солдаты тоже нуждались в еде, и эту истину он уяснил уже давно. Личные охранники, голодавшие вместе с ним последние несколько дней, теперь уплетали за обе щеки припасы, припасенные в особняке Хуана, и ели с большим аппетитом, чем кто-либо другой.

Хуан Сун стоял рядом, его лицо от злости почти позеленело.

Больше трехсот человек уплетали еду напропалую, и припасы, которые его семья собирала добрых полгода, таяли на глазах.

Су И держал чашку с жидкой рисовой кашей, а его взгляд то и дело косился в сторону.

Он никак не мог взять в толк, откуда у Гуань И вдруг взялось двести бойцов. Гуань И утверждал, что это разрозненные солдаты из Цзянлина, потерявшиеся во время смуты и случайно отыскавшиеся вновь.

Су И чувствовал, что в этих словах что-то не так.

Те лучники и щитовидники держали строй безупречно, каждый был крепок телом словно молодой бык, и на них не было ни единого пятнышка крови — это явно была свежая, порохового дыма не нюхавшая армия.

В мыслях он рассуждал: неужели генерал Гуань тайком придерживал козырь в рукаве? Жаль только, что людей всего двести, а будь их побольше, глядишь, и сослужили бы великую службу.

Пусть на этих солдатах были самые грубые кожаные шапки и самые обычные кожаные доспехи, боевым духом они ничуть не уступали лучшим рукопашникам с мечами из цзинчжоуской армии.

Пока они ели, один из охранников подбежал ближе и приглушенно доложил:

— Генерал, городские ворота Майчэна открылись, и какой-то отряд направился по тропинке к Северному городу.

Палочки в руке Гуань И замерли.

— Плохо.

В голове гулко зашумело. Гуань Юньчан, судя по всему, собирался прорываться по тайной тропе — именно так его тогда и поймали силы Восточного У. Раз уж он сам переместился сюда и стал внуком Гуань Юя, такого допустить было нельзя.

Бросив миску, он поднялся на ноги и отдал приказ строиться.

Сотня личных охранников и двести щитовидников тут же выплюнули еду изо рта, схватили оружие и бросились вперед.

А тем временем в другом месте Гуань Юй посмотрел на Гуань Пиня и улыбнулся.

Это был его старший сын, с младых лет росший в Селяне в Хэдуне. В те времена ему самому пришлось бежать из-за одного дела, сменив имя и скрывшись в чужих краях, а Гуань Пиня с матерью он оставил в родных местах.

Позже Гуань Пинь прошел тысячу ли в поисках отца, и они встретились в городе Гучэн. Гуань Юй неизменно чувствовал себя виноватым перед этим ребенком и таскал его повсюду за собой. Даже Лю Бэй предлагал отправить Гуань Пиня чиновником в Чэнду, но тот отказался.

Однако на сей раз Гуань Юй внезапно пожалел об этом.

Пожалел, что оставил сына при себе.

Гуань Пинь, казалось, насквозь видел отцовские мысли, и с суровым лицом произнес:

— Отец, сын готов умереть вместе с вами. Если я паду первым, вы не печальтесь. Для генерала — пасть на поле боя великая честь.

Гуань Юй кивнул и похлопал его по плечу.

С таким сыном разве мог он о чем-то сожалеть?

Только на сердце все равно скребли кошки из-за тех двоих младших.

И-эр и Юэ-эр... неведомо, как они там.

Откуда ему было знать, что там же, в Уфуи, по другую сторону реки от Майчэна, Гуань И уплетал еду так, что аж за ушами трещало.

Су И поднялся и подошел к краю воинского строя. Бросив беглый взгляд, он заметил, что эти люди разбиты на сотни, и, поняв, что ему туда не затесаться, просто пристроился сбоку.

Гуань И сжимал в руке меч, сперва намереваясь сказать пару слов для поднятия боевого духа. Но, подняв голову и увидев, как эти солдаты смотрят на него горящими глазами, он понял, что этот боевой настрой у них и так уже бьет через край. Проглотив заготовленную речь, Гуань И решил, что поберечь слюну будет разумнее.

— Вперед, за мной, рубить врагов!

Он велел Су И связать Хуана Суна в особняке, взял с собой все три сотни бойцов и под покровом темноты ускользнул из Уфуи напрямик к Майчэну.

Ночь выдалась непроглядно темной. Пройдя совсем немного, Гуань И столкнулся нос к носу с патрульным отрядом Восточного У. Напротив насчитывалась едва ли сотня человек; те как раз обходили дозором территорию и, заметив приближающуюся толпу Гуань И, не придали этому особого значения. Их сведения по-прежнему ограничивались тем, что Гуань Юй заперт в осажденном Майчэне, и они приняли этих людей за перебежчиков из Цзинчжоу, даже мечи из ножен вытаскивать не стали.

— Вы чьи солдаты?

Командир патруля скользнул взглядом по молодому лицу Гуань И и бросил на ходу.

Гуань И изначально собирался действовать силой, но, услышав такой тон и заметив их беспечный вид, мысленно переменил решение.

— Люди генерала Ми. Генерал Ми велел нам оказать вам помощь.

Гуань И выпалил это без заминки. Он помнил, что Майчэн осаждал главнокомандующий Восточного У Люй Мэн.

— А, люди генерала Ми...

Патрульные ни капли не заподозрили неладное, окинули Гуань И быстрым взглядом и двинулись дальше патрулировать территорию.

Гуань И с облегчением выдохнул, но на его лице не отразилось и тени улыбки. Он прикидывал про себя, что все прошло даже гладко, лишь бы этот новообретенный дед и отец еще не попались в лапы врага. Если Гуань Юя уже скрутили, то его собственные триста бойцов, угодив в многотысячную армию Восточного У, будут растоптаны так быстро, что и пикнуть не успеют.

— Продолжаем марш.

Понизив голос, приказал Гуань И, и отряд снова потянулся к Майчэну. То ли воины Восточного

У в принципе не допускали мысли, что кто-то осмелится сунуться в самую пасть окружения, то ли сверкающие чешуйчатые доспехи личных охранников Гуань И внушали слишком сильный трепет — но попадавшие по пути солдаты Восточного У не преграждали им путь, а названные им номера подразделений никто даже не проверял.

Пройдя еще немного, Гуань И наконец понял, почему все шло столь гладко.

Впереди показался отряд, одетый в форму цзинчжоуской армии, а на верхушке знамени красовался отчетливо вышитый иероглиф Ми.

Пальцы Гуань И легли на рукоять меча, суставы побелели.

Этот негодяй Ми Фан и впрямь привел войско.

Задав жажду убийства в самом горле, Гуань И повел людей следом, пристроившись в хвосте отряда Ми Фана.

Его трехсот человек было слишком мало, и воины Ми Фана вовсе не обратили внимания на прицепившийся сзади хвост. Правда, несколько любопытных взглядов все же скользнуло в их сторону, зацепившись за чешуйчатые доспехи охранников Гуань И, и в тех глазах отчетливо читалось завистливое вожеление.

Заметив неладное, Гуань И тотчас велел Гуань Хао и остальным охранникам укрыться в гуще щитовидников. Благодаря такому заслону эти взгляды удалось вовремя пресечь.

Вокруг Майчэна уже громоздились десятки тысяч солдат и коней. Куда ни кинь взгляд, большую часть занимали знамена Восточного У, а оставшуюся — сдавшаяся цзинчжоуская пехота.

Цзинчжоуские солдаты только что сложили оружие и даже не успели сменить боевые доспехи. Под стенами Майчэна чернела бескрайняя людская масса облаченных в цзинчжоуские мундиры людей — их насчитывалось никак не меньше десятка тысяч.

Су И тайком вернулся из толпы и, перейдя на шепот, доложил:

— Младший генерал, я всё разузнал. Тот, кто прорывался с боем, — это главный пошлинник Ляо Хуа, он удрал на северо-запад, должно быть, направился в город Сичэн за подмогой.

В голове Гуань И пронеслось несколько мыслей.

Ляо Хуа? Тот самый Ляо Хуа, про которого говорят: нет в Шу великих полководцев, так Ляо Хуа за авангард? Город Сичэн... Неужели он пошел к Лю Фэну?

Его воспоминания об этой истории были обрывчатыми, да и написанное в книгах не всегда заслуживало доверия. Гуань И не осмеливался целиком полагаться на собственную память.

Впрочем — раз уж Гуань Юй еще не прорвался, нужно придумать способ вытащить его оттуда.

Теперь Гуань И уже немного жалел о своем порыве. Услышав тогда в Уфуи, что из Майчэна кто-то прорывается, он сгоряча решил, будто сбежал сам Гуань Юй, и, не раздумывая, помчался сюда во главе людей. И что в итоге? Никого не спас, а сам залез прямо в брюхо врагу. Как действовать дальше, он совершенно не представлял.

Он окинул взглядом окрестные лагеря.

Воины Восточного У обложили Майчэн со звериной надежностью, однако сами лагеря были сколочены наскоро и грубо. Видимо, посчитав, что жалкой горстке людей Гуань Юй не под силу сотворить что-либо серьезное, они даже рогатки и заграждения из острых бревен соорудили спустя рукава, кое-как воткнув несколько кольев.

Подозвав Гуань Хао и Су И, Гуань И тихонько проговорил:

— Как думаете, если мы сейчас подпалим все эти лагеря разом, что будет?

У Су И глаза на лоб полезли.

— Спалить лагеря? — его голос сорвался на шепот, полный страха. — Младший генерал, у нас всего три сотни человек. Пусть ваши воины и искусны в бою, но напротив нас — многие десятки тысяч!

Три сотни против десятков тысяч — при любом раскладе эта затея смахивала на самоубийство.

Гуань И, напротив, сохранял холодную голову. Окинув взглядом окрестности, он произнес:

— Кто сказал, что нас всего три сотни? Как только вспыхнет огонь, враги неизбежно поднимут панику. Сдавшиеся цзинчжоуские солдаты не разберут, где свои, а где чужие, и в этой мутной воде нас станет уже не триста — десятки тысяч.

Кадык Су И судорожно дернулся вверх-вниз.

Он слушал план Гуань И, и сердце его колотилось о ребра, а ладони взмокли от пота.

В ночном небе едва мерцали редкие звезды, и никто вокруг даже не подозревал, какую дерзкую затею вынашивала эта горстка людей.

—

Ми Фан сидел в походном шатре, чувствуя себя крайне неудобно.

Пока Гуань Юй оставался жив, Ми Фан ощущал, как холодок пробегает у него по спине. Никто лучше него самого не ведал, насколько безжалостным бывает Гуань Юй. Теперь он даже спал не иначе как с десятком верных подчиненных у изголовья, но и это не приносило покоя — стоило дуновению ветра шевельнуть полог шатра, как он вскакивал от ужаса.

— Гуань Юньчан, сукин ты сын, ты сам заставил меня дойти до такого!

Руки Ми Фана крупно дрожали. Он прекрасно осознавал собственное положение — шурина самого Лю Бэя, и при такой родственной связи он меньше всего на свете подходил на роль предателя. Но Гуань Юй раз за разом топтал его самолюбие, обращаясь с ним как с мальчишкой, и эта обида копилась внутри, словно раскаленный добела уголь.

Хотя поначалу он вовсе не собирался предавать. Ровно до того момента, пока во время северного похода Гуань Юй не поручил ему ве заведование провизией и обозом. Напившись в хлам, он случайно спалил весь армейский запас зерна дотла.

Второй Гуань отчитывал его на глазах у всех самыми последними словами, и во взгляде его читалось желание содрать с него живьем кожу. В сердце Ми Фана смешались жгучая злоба и страх, и именно тогда в нем зародился умысел на измену.

Напился и сжег зерно?

Уголки его губ скривились в уродливой усмешке. Какое там напился — все было разыграно как по нотам. Зерно в тех амбарах он давно уже тайком заменил на сухую солому. Не сожги он его сам, что бы случилось, когда Гуань Юй добрался бы до ревизии?

Клан Ми поднялся на торговле. Его старший брат Ми Чжу в свое время был самым богатым человеком в Сюйчжоу, и ради поддержки Лю Бэя они выложили до последней монеты все семейное состояние, даже родную сестру выдали за него замуж, лишь бы протиснуться в круги знати.

Пробыв с Лю Бэем два десятка лет, оба брата трудились не щадя живота своего. Но стоило госпоже Ми уйти из жизни, как их вес при дворе начал стремительно падать. Ми Чжу номинально числился в высоких чинах, не имея на руках никакой реальной власти. Ми Фана же приставили к Гуань Юю — вроде бы надсмотрщиком, но с бунтарским нравом Гуань Юя, который порой и слова Лю Бэя пропускал мимо ушей, разве стал бы он считаться с каким-то Ми Фаном?

Жизнь становилась все преснее и унижительнее. Не добившись власти, Ми Фан попросту

вернулся к семейному ремеслу — занялся торговлей. Используя свое высокое положение как вывеску, он принялся проворачивать тайные делишки.

Он и сам не ожидал, что торговля пойдет с невероятным размахом. Сбывая цзинчжоуские припасы в Цзяндун и Цзяочжоу по баснословным ценам, он греб серебро лопатами.

Но где же набраться столько крестьянского зерна на все его запросы? Аппетит рос вместе с барышами, и загребушие руки дотянулись до армейских запасов. Действовал он скрытно, и долгое время никто ничего не замечал.

И вот теперь, когда Гуань Юй внезапно предпринял северный поход, его махинации с разворовыванием и перепродажей военных продовольственных фондов едва не выплыли наружу. Желая заткнуть образовавшуюся брешь, ему пришлось притвориться пьяным, поджечь зернохранилища и попытаться замять дело напролом.

Однако он понимал: если Гуань Юй возьмется за расследование всерьез, то рано или поздно докопается до дна.

Ему стало страшно.

Когда к нему в руки попало послание от Восточного У с предложением сдаться, внутри обнаружили еще и его собственные письма, которыми он обменивался с Цзяндуном и Цзяочжоу. Стоило Ми Фану взглянуть на них, как по спине побежал липкий пот.

Тут-то он и понял, что его давным-давно провели.

<http://bllate.org/book/19344/1891692>